

Это книга про великолепные 60-е, Нью-Йорк, музыку,
поиск своего места в жизни, и, конечно, это книга про любовь

Книга песен Бенни Ламента

ЭМИ ХАРМОН

Романы Эми Хармон

Эми Хармон

Книга песен Бенни Ламента

«Издательство CLEVER»

2021

УДК 82-311.3
ББК 84(7Coe)

Хармон Э.

Книга песен Бенни Ламента / Э. Хармон — «Издательство CLEVER», 2021 — (Романы Эми Хармон)

ISBN 978-5-00154-785-3

Нью-Йорк, 1960. Для Бенни Ламента музыка – это жизнь. Пианист из Бронкса держится подальше от темных делишек своей семьи. Он пишет песни для других музыкантов и предпочитает оставаться в тени... пока однажды не встречает Эстер Майн. Перед голосом этой девушки невозможно устоять. Дуэт Бенни и Эстер гремит на всю страну. Его песни, ее вокал – они идеальная пара. Пара, которую готовы видеть вместе на сцене, но не в жизни. Слава или страсть? Счастье или творчество? Что они поставят на карту ради любви, когда обоим будет угрожать смертельная опасность?

УДК 82-311.3

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-00154-785-3

© Хармон Э., 2021

© Издательство CLEVER, 2021

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Эми Хармон

Книга песен Бенни Ламента

Посвящается Корри, Рените и Глэдис, с которыми у нас одно сердце на четверых

AMY HARMON

The songbook of Benny Lament

Перевод с английского *Ирины Павловой*

Перевод стихотворных фрагментов *Елены Фельдман*

Оригинальное название: THE SONGBOOK OF BENNY LAMENT

Text copyright © 2021 by Amy Harmon This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com in collaboration with Synopsis Literary Agency.

Изображение на обложке Holly Ovenden (КБС) Автор изображения (7БЦ) Raymond Forbes Photography Изображение на обложке использовано с разрешения <https://www.stocksy.com/657370/red-piano>

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2022

Ток-шоу Барри Грея

Радио WMCA

Гость: Бенни Ламент

30 декабря 1969 года

— Добрый вечер, дамы и господа! С вами Барри Грей, и вы слушаете программу «Легенды 60-х» на радио WMCA в Нью-Йорке. Это самая крутая радиостанция в стране. И я здесь ради вас, чтобы помочь вам скоротать темнейшие часы суток с нашим заключительным ток-шоу в году, звучащим в эфире в последнюю ночь уходящего десятилетия. Уже завтра часы пробьют полночь, и шестидесятые станут достоянием истории. И мне посчастливилось их проводить вместе с вами, перевернув очередную страницу в нашей хронике.

Ребята, какие же это были годы! Какие годы! Шестидесятые принесли нам смерть. Войну. Революцию. Мы потеряли президента. Мы потеряли без малого 50 тысяч молодых и крепких парней во Вьетнаме. И кто-то из вас наверняка скажет: мы утратили наши нравственные ориентиры. Лишились, образно выражаясь, морального компаса. Я же порой задаюсь неудобным вопросом: а может, его у нас и не было никогда? Этого компаса? Доктора Мартина Лютера Кинга застрелили. Бобби Кеннеди тоже...

Но нет! Не все было плохо, друзья! Пять месяцев назад, 20 июля 1969 года, на поверхность Луны впервые ступила нога человека. Американица! А двумя годами ранее судьей нашего Верховного суда впервые стал афроамериканец — Тургуд Маршалл. Я верю, что историки еще

не раз упомянут эти годы и назовут их десятилетием гражданских прав, десятилетием десегрегации. Ведь «времена-то меняются», как справедливо утверждает мистер Боб Дилан.

На нашей станции мы круглыми сутками транслируем музыку. Мое ток-шоу – единственная программа WMCA, где ее нет. «Хорошие парни» потчуют вас хитами и новостями о том, что играют и поют по всей стране. И сегодняшний день не стал исключением. Мы подвели итоги и дали вам послушать лучшие хиты десятилетия. Знали ли вы, что в 1960 году «горячую сотню *Billboard*» целых девять месяцев возглавляла композиция из «Летнего места» в аранжировке Перси Фейта? Красивая инструментальная пьеса в исполнении эстрадного оркестра, без единого слова. Помните ее? Под эту музыку не так-то просто танцевать, если только вы не делаете этого щек к щеке, как любит моя миссис Грей.

А еще я думаю, как же примечательно, что мы закончили десятилетие «Вудстоком»! Этим ставшим поистине народным музыкальным фестивалем, который в прошлом августе объединил всех любителей рока на пустоши у деревеньки Бетел в сотнях миль к северо-западу от Нью-Йорка. Мы вошли в шестидесятые с одной музыкой, а завершаем их с совершенно другой. Кто-то скажет: это два разных мира. Как вам известно, я был на фестивале, освещал его. И должен признаться, я до сих пор предпочитаю Луи Армстронга, Фрэнка Синатру и Сэма Кука. Но ничто так ярко и красноречиво не характеризует прошлое десятилетие, как смена музыкальных предпочтений нации. Да и вообще, желаете понять, что происходит в стране и чем она живет, посмотрите, кого и что слушают люди.

Итак, я не ставлю хиты в своей программе. Вы все это знаете. Я беседую с вами о мире. Мне довелось интервьюировать людей самых разных занятий, от политических лидеров и активистов до именитых звезд. Но я не думаю, чтобы кто-либо из моих прежних гостей мог бы рассказать вам больше о взаимосвязи музыки и перемен в жизни и умонастроениях людей, чем мой сегодняшний гость.

Его имя вы, скорее всего, слышали. Но готов биться об заклад: его история вам неизвестна. Или известна, но не вся. И уж тем более не в мельчайших подробностях. Мой гость – артист, продюсер и плодовитый композитор-песенник. Какого исполнителя ни возьми, у любого из них имеются песни, сочиненные этим человеком. Сегодня ночью он пообещал сыграть нам и, быть может, даже спеть. А еще он собирается рассказать нам о песнях, ставших знаковыми в его жизни и карьере, – тех, что вам отлично знакомы, и тех, о которых вы даже не подозреваете. Добро пожаловать на ток-шоу Барри Грея, Бенни Ламент! Давайте побеседуем!

Глава 1

Не могу вырвать тебя из сердца

Свою первую песню я написал в восемь лет, с рожком шоколадного мороженого в руке наблюдая за общением отца с владельцем магазина по имени Джино. Песенка вышла короткой и незатейливой – всего с двумя однострочными куплетами и таким же однострочным припевом. Но я запомнил ее на всю жизнь.

*Папа – страшный человек.
Лучше слушаться его.
Джино руку повредил.
Лучше слушаться его.*

Для сочинения той песенки мне не потребовалось пианино. Мелодия родилась сама собой, вместе со словами. Нестройная. Неблагозвучная. Даже противная. Миссис Костьера наверняка бы заткнула уши. В квартире у миссис Костьеры имелось единственное пианино, за которым мне в те дни доводилось сидеть. Но она разрешала мне играть на своем инструменте, когда бы я ни захотел. При этом учила меня названиям тональностей и показывала схемы, по которым я мог строить из нот аккорды. «Аккорды как семьи, – объясняла мне миссис Костьера. – Их составляют ноты. Подобно тому, как ты, твой отец, твои тети и дяди и все твои кузены и кузины составляют твоё семейство, твой род. Вот. Послушай! Разве это трезвучие не прекрасно? Это аккорд F. На “ф” начинается слово “фамилия” – родовое имя. А что будет, если добавить ещё одну ноту – не родную, чужую? Слышишь? Звучание уже не такое красивое и гармоничное. Потому что эта нота не входит в аккорд F, она другой тональности».

Так вот. Я сидел на скамейке через дорогу, возле тележки с мороженым, поедая своё тающее лакомство, а отец рассчитывался в магазине с Джино. Мне Джино нравился. Незадолго до этого случая он подарил мне губную гармошку, и мне хотелось повидаться с ним гораздо сильнее, чем слопать рожок. Я прекрасно понимал, чем мороженое являлось на самом деле, – подкупом, призванным занять меня на то время, пока отец торчит в магазине.

Он велел мне не вставать со скамейки, но в моем кармане лежала гармошка, и мне так хотелось продемонстрировать Джино, как здорово я поднаторел в игре на ней. Джино называл эту гармошку «харпом». Когда я впервые (после пары неловких попыток) поднес ее к губам и заиграл, инстинктивно догадываясь, как шевелить ртом, чтобы изменялось звучание, он всплеснул руками и воскликнул: «Да из него выйдет отличный харпер, Ломенто! Ты только послушай! У мальчика есть и слух, и талант!»

Сидя на скамейке, я видел в окне магазина отца. Точнее, его спину. Ту самую, на которой он меня порой носил. Джино стоял за прилавком, и его лицо кривилось так, словно он силился не заплакать. Распростертые руки нависали над витриной с часами и другими товарами, как будто он собирался взять пальцами всю октаву, как сказала бы миссис Костьера. А из стиснутых в кулак рук отца торчал нож.

Я хотел закричать, но не смог. У меня случился шок, но тогда я этого не понял. Я испугался, но не убежал и не отвернулся. Вместо этого я... запел. Неслышно, про себя. Слова зазвенели у меня в голове, рифмуясь в такт с мелодией, ритм которой они же и задавали.

Когда отец вышел из магазина, я стоял в полной неподвижности возле скамейки, а растаившее мороженое стекало по моей руке на тротуар. Лицо отца вытянулось под стать рожку. Он выхватил мороженое из моих пальцев, швырнул его на дорогу и, вытащив из кармана носовой платок, протянул мне вытереть руки. А затем, не проронив ни единого слова, повел меня домой

под лучами солнца, лившимися с неба на наши покрытые шляпами головы. Тот день выдался на редкость теплым, улицы смердели незнамо чем. Стоял сентябрь 1939 года, и разносчики газет выкрикивали что-то о немцах и местах, от нас очень далеких. В Нью-Йорке войны не было. По крайней мере, такой, в которой задействуются самолеты и подводные лодки.

– Я думал, тебе нравится Джино, – пробормотал я через несколько кварталов; моя грудь стала липкой, как руки.

– Какая разница! – буркнул в ответ отец.

– Как это какая? – Ян представить себе не мог, что можно причинить вред человеку, который тебе нравится.

– Нравится, не нравится, к делу это не относится..

Вдаваться в объяснения отец, похоже, был не намерен, и мы прошли еще целый квартал, прежде чем я снова попытался от него их получить.

– Н-но Д-джино... он же хороший.

– Он мил с тобой. Не спорю... Но добр он к тебе лишь потому, что боится меня.

От этих слов у меня внутри все похолодело, а ноги приросли к асфальту. Отец прошел с десяток шагов, прежде чем заметил, что я не плетусь следом. Он вернулся, взял мою липкую руку и потащил за собой.

– Всякий может казаться хорошим. Но на самом деле, Бенни, это не так, – произнес отец, и его голос прозвучал очень уверенно.

– Всегда? – На смену ощущению липкости пришла щекотка, предупреждавшая о близости слез.

– Нет, не всегда, – вздохнул отец, словно этот разговор причинял боль и ему. – Но не бывает только хороших и только плохих людей. Есть просто люди. И внутри у каждого своя гниль. У одних ее больше, у других меньше. А кого-то гниль пока не начала разъедать. Но рано или поздно мы все ей подвергаемся. Ты понимаешь, о чем я? У каждого из нас есть изъяны, своя темная сторона.

– Даже у тебя?

– Особенно у меня...

Но, судя по всему, отца это не слишком беспокоило. Он воспринимал свою темную сторону как некую данность. Данность, с которой он уже давным-давно смирился.

Мы молча пошли дальше; его большущая пятерня крепко сжимала мою руку, и отец не попрекал меня ни за то, что она была вымазана мороженым, ни за мой более медленный шаг. Мы свернули на Артур-авеню, и развешенное на террасах в переулках белье под порывом налетевшего ветра заколыхалось и захлопало, словно приветствуя нас.

– Мне жаль, Бенито, что тебе сегодня пришлось увидеть мою плохую сторону. Я стараюсь быть тебе хорошим отцом. Лучше, чем был мой для меня. Но я не всегда бываю хорошим человеком.

– А ты не можешь ее вырвать или вырезать? Ну, эту свою гниль? Миссис Костьера ведь срезает плесень с сыра.

– Нет... Я не могу ее вырезать. Во мне слишком много всякой гнили. Я бы умер от кровопотери.

– А я гнилой?

– Нет, ты еще не гнилой.

– Но когда-нибудь гниль меня тоже разест?

Отец вздохнул так, словно сам себя загнал в такой тупик, из которого уже не знал, как выбраться.

– Да... наверное... Это жизнь... она портит многих людей, – пожал он плечами и покачал головой.

– И тебе наплевать, испорчусь я или нет? – еле слышно пискнул я.

– Все зависит от того, почему ты испортишься. Если у тебя будет выбор... Тогда и мне не будет наплевать. Джино задолжал дяде Сэлу денег. И не спешил их отдавать. Тянул, как мог, время. Избегал меня. Я держался, пока мое терпение не лопнуло. Джино не оставил мне выбора.

– А почему дядя Сэл сам не забирает свои деньги у Джино? Почему это приходится делать тебе?

– Потому что это моя работа, Бенни. Я работаю на дядю Сэла. И моя работа заключается в том, чтобы заставлять людей выполнять свои обязательства. Дядя Сэл – человек занятой. Он проворачивает большие дела. А я работаю на него. И тебе это известно.

– А что такое... обязательство?

– Ответственность. Обязанность. Сэл был братом мамы. Так что мы – семья. А семья – это главная ценность. И за нее мы несем ответственность в первую очередь.

– Это наше главное обязательство?

– Да.

Именно тогда – направляясь по улице, на которой я родился, к дому, в котором я рос среди таких же, как я, людей, – именно тогда я решил, что не желаю обзаводиться семьей. Зачем это делать, раз семья накладывает на тебя обязательства? Я решил, что мне больше нравятся аккорды с нотами разных тональностей. И на протяжении многих лет я обращался только к ним. К аккордам, из которых выстраивал свои мелодии. Аккордам, которые разговаривали со мной, поддерживали и утешали, не требуя взамен никаких обязательств...

* * *

– Я пытался вырвать тебя из сердца. И теперь истекаю кровью... – простонал в микрофон Иззи Маккуин, и я вынырнул из воспоминаний о неблагозвучных аккордах, простых песенках и о том давнишнем дне, когда впервые увидел отца настоящим. Таким, каким он был на самом деле.

– Я пытался вырвать тебя из сердца, малышка. И теперь истекаю кровью, – повторил Иззи так горестно, так убедительно, что никто из слушателей не усомнился в его неминуемой гибели.

Забавно... Я написал для Иззи песню «Не могу вырвать тебя из сердца» еще год назад, но до сих пор не связывал ее с тем разговором, который зашел у нас с отцом по дороге домой из лавки Джино. Возможно, я похоронил его глубоко-глубоко в своей памяти – так же, как и многие другие вещи, касавшиеся отца. Но эти слова принадлежали ему. Придется выписать отцу чек...

Песня «Не могу вырвать тебя из сердца» по сей день оставалась моим главным хитом, и каждый раз, когда она звучала по радио, я испытывал легкое волнение. Исполнял ее не я (да и вряд ли когда-нибудь стал бы). Но это была моя песня. И отца тоже. Я всю жизнь писал песни на одну и ту же тему.

– Ты взяла немного здесь, ты взяла немного там, а я отдал тебе все, что мог, – провыл Иззи, и мои пальцы полетели по клавишам.

Обычно я не выступал на подобных концертах. Оставался за кулисами, выпивал и слушал. Но Иззи вызвал меня на сцену, представил публике так, словно я был героем родного города, и предложил... аккомпанировать. Мне стало жарко, я ослабил галстук, а через несколько тактов первого куплета скинул пиджак. Помада Мюррея все еще удерживала мои волосы, если не считать своевольной прядки, прилипшей к брови во влажном угаре. Дым и музыка сделали мир вокруг меня пустынным и отчужденным. В нем не существовало никого и ничего, кроме черно-белых клавиш и моря звуков, окружавших мою голову плотным кольцом.

Впрочем, я никогда не оставался в Нью-Йорке один. У отца везде имелись глаза и уши. Особенно в клубе «Ла Вита»¹. Так что я не удивился, когда он присел за столик прямо перед сценой. Отец не заказал себе выпивки, не расстегнул пальто. Он просто сел и слушал.

Я не виделся с отцом месяцами. Ездил в Детройт, Лос-Анджелес, в Чикаго и Майами. Куда меня только не заносило! И для кого я только не сочинял песни – от Элвиса Пресли до Смоки Робинсона. В сущности, Смоки не нуждался в том, чтобы ему кто-то писал песни; он сам штамповал для себя хиты, как, впрочем, и все остальные ребята. Но Смоки утверждал, что я сохранял его голос свежим. А Берри Горди, основатель звукозаписывающего лейбла «Мотаун Рекордз», только в прошлом месяце взял десяток моих песен для своих артистов. «Смоки пишет светло, а ты мрачно. Он – солнце, ты – дождь. Вам стоит объединиться, поработать в одной команде, – сказал мне как-то мистер Горди. – Назовите себя “Смоки Ламент”. У вас может получиться нечто грандиозное». Но я не слишком тяготел к семейным отношениям, а «Мотаун» в чем-то походил на семью. К тому же, как я уже обмолвился, Смоки на деле во мне не нуждался. Как не нуждался и Иззи. Особенно сегодня. В трио с его голосом и трубой пианино было вторично. Но, по признанию самого Иззи, тексты и горестные стенания удавались мне лучше, чем ему. Маккуину действительно нравились мои песни. К счастью, и его лейблу звукозаписи тоже.

А было время – и не так давно, – когда хедлай-нерство Иззи Маккуина на таких сценах, как «Ла Вита», казалось невозможным. Я сидел в зале, когда Гарри Белафонте выступал в «Копакабане», крупнейшем конкуренте дяди Сэла. Это было в 58-м. А в сороковые Гарри даже не удалось попасть в этот клуб. Его попросту туда не пустили. Чернокожим вход был запрещен. Гарри потребовалось время, чтобы простить и забыть, но он вышел победителем. И теперь перед ним распахивались все двери. По крайней мере, в Нью-Йорке.

У Берри Горди имелся целый список артистов, для которых он хотел застолбить сцену в «Ла Вите». И он попросил меня устроить ему встречу с менеджером Жюлем Пателем. Но я не знал, удастся ли мне это. И я бы точно не стал хлопотать ради Иззи. А потом вдруг подумал: уж не похвастается ли он знакомством со мной? От этой мысли я даже вспотел.

Мне надо было поговорить с Иззи, постараться его вразумить. Чтобы он больше не вытаскивал меня на сцену. И дело было вовсе не в том, что Жюль Патель не стал бы меня слушать. Стал бы! Он бы обязательно вспомнил моего отца и мать («Упокой, Господи, ее душу! Она пела как ангел, эта женщина!»). И мне бы это послужило сигналом для того, чтобы козырнуть родством с дядей Сэлом. Имя Сальваторе Витале всегда облегчало и ускоряло решение любых вопросов. И тогда бы Горди встретился с Пателем и добился концертов для своих подопечных. А мне пришлось бы – рано или поздно – заплатить. Я попытался втолковать это Горди, но он лишь рассмеялся и сказал: «Так устроен мир, и так в нем делаются все дела. И не говори мне, Ламент, что ты этого не знал».

Я знал. Но сомневался в том, что Горди понимал, как выглядела в моем семействе оплата. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь в «Ла Вите» думал, будто сделал мне одолжение, и попросил о чем-либо взамен. Начни лишь прибегать к помощи семьи – и тут же достигнут семейные обязательства.

Отец дождался, когда номер закончился, и в нетерпении вскочил, едва я сошел со сцены и направился к нему.

– Надень шляпу, тебе предстоит кое с кем познакомиться, – сказал он.

Что-то в таком роде. Никакого приветствия. Никаких попреков. Никаких «Где ты пропадал столько времени, парень?». Я почувствовал облегчение. И возможно, поэтому не стал возражать, а отыскал пиджак, затянул потуже галстук и забрал шляпу у девушки-гардеробщицы. Отец поспешил на улицу, в зябкий воздух. Я, удивленный, вышел за ним.

¹ Ит. «La Vita» – «Жизнь». – Здесь и далее примечания переводчика.

– Ты оставляешь Сэла одного? – спросил я.

Мой отец никогда не покидал Сэла. Куда бы тот ни отправлялся, отец всегда его сопровождал. Лучший и самый преданный сторожевой пес в мире...

– Сэл не в клубе. Он дома. Я пришел за тобой. Хочу, чтобы ты послушал Эстер.

– Эстер?

– Да, так ее зовут.

– У тебя новая пассия, па?

Отец правился женщинам, по ни к одной из них, за исключением моей матери, он не питал серьезных чувств. И к любой новой интрижке всегда относился бдительно. Как, впрочем, и ко всему в своей жизни. У отца и подружки-то постоянной никогда не было.

– Закрой рот, – рыкнул он оскорбленно-обиженно. – Это совсем другое.

– Да? Тогда признавайся, чья она дочка? – Я был уверен, что эта Эстер как-то связана с семьей. Так было всегда. – Ты обязан кому-то ответной услугой?

Отец снова ошетинился, но прямого ответа не дал.

– С каких пор ты сделался таким подозрительным? Я никому и ничего не должен. Эстер напоминает мне твою мать. Я слышал, как она поет. И захотел, чтобы ты ее тоже послушал. Только и всего. – Жестом позвав меня за собой, отец ускорил шаг. – Эстер выступает в «Шимми». Это в нескольких кварталах отсюда. Можем дойти пешком.

– Мама была дочерью гангстера. Я не встречаюсь с дочками гангстеров.

– А кто тебя просит с ней встречаться? – огрызнулся отец. – И следи за языком, парень. Похоже, он у тебя без костей.

Минут десять мы шли молча. Напряжение отца заставило меня насторожиться. Я нутром почуял беду. Причем не заурядную проблему, с какими сталкиваешься ежедневно. Будь со мной кто-то другой, я бы включил заднюю. Но со мной был отец, а он никогда и ни о чем раньше не просил меня.

– Как ты вообще нашел это заведение? – проворчал я.

Никакой вывески на улице не было, и, прежде чем услышать музыку, нам пришлось спуститься по лестнице и миновать пару дверей, охраняемых такими же крепкими ребятами, как отец. Они его не только не остановили, но даже поприветствовали по имени.

– Сэл иногда поигрывает здесь в картишки, – пробормотал отец в качестве разъяснения.

Я к такому привык. Отца знали все. Клуб был набит битком, но официант бросился к нам со всех ног. Отец резко отмахнулся от него. Найдя свободное местечко, мы прислонились к стене, и он указал мне на сцену.

– Вот, это Эстер Майн, – сказал отец. – Ты захочешь ее послушать.

В полумраке сияла копна завитых кудрей; их мягкая плавность резко контрастировала с четко очерченным квадратным подбородком и вызывающе яркими губами, окрашенными в красный цвет, – всякий раз, как они размыкались, я видел блеск ровных белых зубов. Бронзовая кожа была не напудрена, глаза не подведены, но ресницы, словно густой ракитник, упирались в щеки каждый раз, когда девушка начинала петь в микрофон.

Акустика в зале была ужасной. Потолок продувался, и посвист сквозняка назойливо вторгся в музыку. Барабаны били слишком громко, усилитель портил тембр гитары, а микрофоны фонили. Но пока я слушал, мою грудь сжимала тоска, а глаза все сильнее щипало от слез. Мне снова было семь лет, и я опять слышал голос, покрывавший мои руки мурашками.

«Она напоминает мне твою мать...» Я понял, что имел в виду отец. В тембре и манере пения девушки определено что-то было. Но не голос матери воскресил в моей памяти Эстер. В голосе матери звучала страсть, но он не был сильным. Эстер Майн пела как Во Джонсон, только в женском теле. Сравнение с огромным боксером вызвало у меня улыбку.

Его зовут Бомбой, не зная,

*когда он взорвется.
Его зовут Бомбой, он в Гарлеме
круче всех бьется.*

– Она громкая... хотя комплекции не крупной, – сказал я, оспаривая собственное сравнение.

– У нее нормальная комплекция, – сказал отец. – Только не говори ей этого. Женщины чувствительно относятся к своим формам. По крайней мере, те, кого я знаю.

– А я вот не переживаю из-за своих форм. Просто не люблю, когда люди на меня пялятся.

– Они пялятся на тебя не потому, что ты большой. Просто ты уродлив.

– Весь в тебя, старик.

Я слышал, как фыркнул отец, но не смог отвести глаз от Эстер Майн. Она казалась крошечной красивой конфеткой в обертке в горошек. Ее запястья, руки, ноги – все было тонким и хрупким. В отличие от каблуков ее красных туфель – самых высоких из всех, что я видел. Они прилично добавляли ей роста. Но даже невзирая на это, голова Эстер не доставала до подбородка гитариста. Он то и дело подпевал ей в микрофон, почти касаясь виска девушки нижней челюстью, и их дуэт, в котором Эстер задавала тон, звучал на удивление гармонично. Гитарист тоже был стройным, но при этом высоким; его плечи нависали над гитарой, а пальцы длинных рук энергично перебирали струны. Барабанщик орудовал палочками с закрытыми глазами, но из ритма не выбивался и не привлекал к своему мастерству внимания, которого игрой на ударных весьма легко добиться. Басист выглядел не столь эффектно и заметно уступал в мастерстве этой троице. Зато больше их всех вместе взятых улыбался. И явно наслаждался собой, так что наблюдать за ним было одно удовольствие.

В их бенде не было ни трубача, ни клавишника. Но когда Эстер запела «Ничего не происходит», публика ей не поверила. И я тоже не поверил. Какой бы крошкой Эстер ни казалась, ее голос был по-настоящему зрелым – с резкостью и характерной сипловатостью Билли Холидей и мощностью и надрывной пронзительностью поставленного сопрано. Этим ребятам не требовался трубач, когда у микрофона стояла Эстер. Я прикрыл глаза, чтобы дистанцироваться, но почему-то мне стало еще труднее ее игнорировать. Голос Эстер Майн пронизывал все нутро и заставлял мои пальцы судорожно подрагивать. Мной внезапно овладело неодолимое желание написать для нее песню.

– Что-то не так? Почему ты закрыл глаза? – прошептал отец. – Она же хороша, разве нет? Они все хороши. И ни в чем не уступают группам, поющим в «Ла Вите». Как, впрочем, и тем, кого крутят по радио.

А когда я ничего не ответил и даже не открыл глаз, отец продолжил:

– Ты реагируешь на Эстер так из-за цвета ее кожи? Но ты же долго работал с черными. Я не думал, что для тебя это важно.

Это был глупый вопрос, и я опять ничего не ответил. Но Эстер Майн запела новую песню, и мне пришлось на нее взглянуть. Ее голос зазвучал, как пощечина, требовательно и сурово. Она не улыбалась и не заигрывала с публикой. Она пела так, словно хотела затолкнуть нам эту песню в глотки. Со всей яростью. Грубо. И ее маленькая фигурка вибрировала в унисон с каждым звуком.

– Ей не по душе здесь выступать, – сказал я вслух, сам того не желая.

Но отец уцепился за мои слова:

– Она поет в этой дыре уже два года. Ей нужен прорыв. Большой хит. Что-нибудь такое, что оправдало бы ее участие в турне Эрскина.

– Эрскина Хокинса? Но па! Он уже в прошлом! Его биг-бенд, бесспорно, классный, но люди его больше не слушают. Они не слушают такую музыку лет десять! После «Перекрестка

Таксидо» у Хокинса не появилось ни одного нового хита. А он что, берет в свое турне весь ансамбль?

– Я не знаю, Бенни. Я услышал это от Ральфа, – указал на бармена отец.

– Ага! И как же тебя угораздило в это ввязаться?

– Ни во что я не ввязывался. Просто ты пишешь песни. И сейчас на пике славы. Вот я и подумал: почему бы тебе ей не помочь?

Не успел отец договорить, как я с силой затряс головой. Я не желал, чтобы меня вовлекали. Я не сделал бы такого и для Берри Горди, а уж помогать Эстер Майн у меня и вовсе охоты не было... Но моя неохота развеялась под впечатлением того, как она исполнила «Может быть» от «Инк Споте». Эта простенькая песенка совсем не раскрывала возможности ее голоса, но Эстер пропела ее так, будто это было предостережение. И поразила меня до глубины души.

– Ладно, черт вас подери, – прошептал я.

– Но она же хороша, согласишься! – пробормотал отец почти мне в ухо, явно довольный собой.

– Да, па! Она хороша...

Я прослушал все выступление, стоя рядом с отцом. Но когда мы с ним вышли на улицу, я на прощание протянул руку.

– Ты не хочешь поехать домой? – запротестовал он.

– Нет. Я остановился в «Парк Шератон». Пройдусь пешком. Пожалуй, заскочу ненадолго в «Чарли».

– Возвращайся домой, Бенни. Ни к чему тратить деньги на номер, когда ты можешь спать в своей кровати.

– Я уже перерос эту кровать, па.

Отец покосился на меня, зажал губами сигару, но не закурил, а повернулся в сторону «Ла Виты».

– Я купил тебе новую. Поехали домой. И в следующий раз, когда приедешь в город, не допускай, чтобы я узнавал об этом от Сэла. Это ставит меня в неловкое положение.

Я не стал оправдываться или извиняться. Но и ехать домой мне не хотелось. По крайней мере, в этот вечер. Я чувствовал жар, в груди ныло. Меня одолевала слабость. Именно о таких дрожащих руках и подкашивающихся ногах пел Элвис².

– Ладно, черт возьми, – буркнул я.

Но отец уже ушел, и меня никто не услышал. Оправлюсь или нет, но завтра я, наверное, снова наведаюсь в «Шимми» послушать пение Эстер Майн.

* * *

Я не испытывал сильного голода и ужину в «Чарли» предпочел прогулку. Известному человеку, проживающему в дорогих апартаментах, предоставляется определенная свобода. Эта свобода позволяет ему бесцельно бродить по улицам, не беспокоясь ни о слишком позднем часе для прогулок, ни о безопасности того или иного района города. И я бродил, беспрестанно раздумывая о еще одном известном человеке – человеке, о котором я не вспоминал годами. О Бо «Бомбе» Джонсоне. Странно, но громыхание его голоса не выходило у меня из головы. Стоило мне услышать, как заревела в микрофон маленькая негритянская певица, и Бо Джонсон восстал из царства мертвых (или оттуда, где закончился его земной путь). Восстал, чтобы прогуляться со мной по Манхэттену.

Мой дед, Эудженио Ломенто, эмигрировал с Сицилии на рубеже веков. И это он научил моего отца боксировать, избивая его до полусмерти каждый вечер после ужина. Отец посчитал,

² Здесь отсылка к песне Элвиса Пресли «АП Shook Up» («Я потрясен»).

что должен получать плату за то, что из него выколачивают не только дурь, но и душу. И всего в 16 лет провел свой первый санкционированный бой. Он был настолько хорош, что никому и в голову не пришло поинтересоваться его возрастом. На ринге отец стал Джеком «Ламентом» Ломенто, а в Восточном Гарлеме – самой большой знаменитостью.

Десять лет отец удерживал чемпионский титул в тяжелом весе и не проиграл ни одного боя до тех пор, пока Бо «Бомба» Джонсон не вырубил его так, что он потом неделю не мог подняться. Больше отец не дрался. По крайней мере, на ринге. Он стал работать на Сэла Витале в его клубе в Гарлеме – вышибалой вместо боксера и решалой всяких сомнительных делишек вместо бойца. Именно тогда он познакомился с моей матерью – сестрой Сэла. Отец говорил, что Бо Джонсон оказал ему услугу, отобрав титул так, как он это сделал.

– Бо вправил мне мозги, – повторял отец. – Если бы не он, я бы никогда не остановился. И не было бы Джулианы. Не было бы Бенни. Был бы один бокс.

Впервые увидев Бо Джонсона, я невольно задался вопросом: как отцу вообще удалось уцелеть в том бою? Бо Джонсон был самым огромным, самым сильным мужчиной из всех, кого мне доводилось встречать. Он был даже больше моего отца, а его голос звучал, как орган во время мессы: сильный, глубокий, сочный. Я пытался взять такую же ноту, но она находилась ниже моего регистра.

Через несколько месяцев после смерти матери я проснулся от того, что этот голос, наряду со светом, просочился в мою спальню сквозь щель под дверью. Я резко прыгнул с кровати, подумав, будто обрел рай и в соседней комнате находится сам Бог. Вместе с мамой. К доносившимся голосам – знакомому и чужому, высокому и низкому – примешивалось мяуканье. Я распахнул дверь и замер, шурясь от света и пытаюсь прикрыть глаза дрожащими руками. Но матери не было. И Бога тоже, хотя незнакомец в гостинной мог вполне оказаться ангелом-разрушителем. От него не исходили лучи света, но он источал силу. У него не было крыльев, но его руки и плечи бугрились мускулами, а шея была толщиной с его блестящую лысую голову. Он сидел, согнув спину, и его голова нависала над громадными коленями. А когда он ее поднял и встретился со мной взглядом, я словно прирос к полу.

– Бо Джонсон, – запинаясь, пробормотал я и потер кулачками глаза, уверенный, что это сон.

– Он знает, кто я? – прогромыхал Бо.

– Знает, – ответил отец.

– Я все о вас знаю, – закивал я. – Я знаю, что вы – лучший в мире боец. Вы даже лучше папы. И вас все боятся.

– Все? – спросил Бо.

– Все, – кивнул я многозначительно.

– Мне не следовало приходить. Он разболтает, – повернувшись к отцу, пророкотал Бо.

Он выглядел очень уставшим. А позади него на диване лежало сложенное толстое одеяло; похоже, папа предложил ему у нас заночевать. На моих глазах одеяло шевельнулось. Из его складок послышалось тихое мурлыканье. Вот почему мужские голоса перемежались с кошачьими возгласами!

– Ступай спать, Бенни, – указал мне на спальню отец.

– Я не разболтаю, папа. Я ничего никому не скажу, мистер Джонсон, – пролепетал я.

– Бенни, спать!

Я повиновался, прикрыв за собой дверь. Но растянулся на полу так, чтобы подслушать их разговор через щелку под ней. Они все, даже кошка, старались говорить тихо. Но у больших мужчин зычные голоса, а у детей хороший слух. Я, напрягшись, смог расслышать каждое слово, но ровным счетом ничего не понял.

– Это сделал ты, Бо?

– Я не тронул и волоска на ее голове. Но они повесят это дело на меня, как пить дать назначат меня виновным.

Гостиную заполнила тишина. Вероятно, они догадались, что я подслушиваю, и еще больше понизили голоса. Но через несколько минут отец спросил:

– Что ты хочешь, чтобы я сделал?

– Отвези ее к Глории. Передай ей это письмо и деньги. И скажи, что деньги еще будут. Я вернусь, как только смогу. В Гарлеме она станет лишь еще одним ртом. Никто и не подумает к ней присматриваться.

– А они ее искать не станут? – спросил отец. – Родные Мод?

– Не думаю. Им и раньше не было до нее никакого дела. С чего бы им озаботиться сейчас? Они только порадуются, что она исчезла.

Я услышал, как кто-то вышел из квартиры, и бегом вернулся в кровать весь в ужасе. Папа никогда не оставлял меня одного. Когда он работал, за мной приглядывала миссис Костьера. А секундой позже дверь в мою комнату распахнул Бо Джонсон. Натянув на голову одеяло, я притворился спящим.

– Тебе не нужно меня бояться. Я не причиняю вреда детям, – сказал Бо. – Я не делаю больно женщинам и детям, – добавил он, и его голос надтреснул, словно Бо пытался сдержать плач.

– Ты сделал больно моему папе, – возразил я тоненьким голоском из-под одеяла.

– Это другое. Мы договорились делать друг другу больно. Мы бились за деньги. Но твой папа – мой друг. Мой единственный друг. – Голос Бо снова дрогнул.

– А куда он уехал?

– Он мне помогает. Он скоро вернется. А я пока побуду у вас. Я очень устал и мечтаю выспаться. Тебе не надо меня бояться.

– Мистер Джонсон?

– Что?

– Я не проболтаюсь, – пообещал я.

– Я тебе верю, Бенни, – прошептал Бо. – Впрочем, у меня нет выбора. Но если ты проболтаешься, мне ты не навредишь. Мне уже никто не сможет навредить. Если ты проболтаешься, ты навредишь своему папе.

– Вы опять его нокаутируете?

– Нет, не я. Не я.

– А кто?

Бо не сказал мне кто. Он только посмотрел на меня большими темными глазами.

– Ты знаешь, почему твоего папу зовут Ламентом? – спросил он.

– Ламент созвучно Ломенто. Его полное имя – Джек Ломенто. Ламент – это прозвище.

– Все так. Но ты знаешь, что оно значит?

– Нет.

– «Ламент» значит плакать, причитать, горевать. Когда твой папа боксировал, его кулаки заставляли взрослых мужчин плакать.

– Но не вас.

– Не меня. А ты знаешь, почему меня зовут Бомбой? – спросил опять Бо.

– Его зовут Бомбой, не зная, когда он взорвется, – тихо пропел я.

Бо улыбнулся, удивив нас обоих. Это была замечательная улыбка. Очень красивая. И мой страх ушел.

– Ты знаешь эту песню, – заметил Бо.

– Я люблю песни, – сказал я.

– Я тоже. А ну, спой ее целиком.

И я спел ему всю песню.

*Его зовут Бомбой, не зная,
когда он взорвется.
Его зовут Бомбой, он в Гарлеме
круче всех бьется.
Его зовут Бомбой, потому что
большой он и громкий.
Его зовут Бомбой – берегите
свои перепонки!
Можно мир обойти, но такого бойца не найти.
Если жизнь дорога, не вставай у него на пути!*

– Все так, – сказал Бо. – Вижу, ты действительно знаешь, кто я такой.

Я широко зевнул. Стоило страху отступить, как меня начал одолевать сон. Но Бо не закончил.

– Это песня. Но меня зовут Бомбой вовсе не поэтому. Это прозвище мне дала мама еще до того, как я занялся боксом.

– Почему? – снова зевнул я.

– Я разрушал все и везде. Примерно с твоего возраста. Она окрестила меня Бомбой, потому что я все, к чему притрагивался, превращал в дрянь. А ты, Бенни, продолжай петь. Пой все что хочешь. Пение тебе не навредит, и неприятностей ты с ним не наживешь. А вот болтать лишнего не надо. Ради своего отца, Бенни, не трепись!

– Ладно.

– Ладно, – повторил Бо и, развернувшись, вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

И я не трепался. Ни когда папа вернулся домой и разбудил меня. Ни когда имя Бо Джонсона замелькало в газетах. Я никому не рассказывал о Бо «Бомбе» Джонсоне. И папа тоже никому ничего о нем не говорил. Даже мне. Он умел хранить чужие секреты. Быть может, именно поэтому он всегда имел в чужих глазах вес. Груз людского доверия – бремя тяжелое. Отец мог клясть и поносить Таммани-холл³ и бейсбол, но никогда ни на кого не стучал. А уж своего друга он тем более никогда бы не выдал. Но, увы, подчас тайное, как бы хорошо его ни скрывали, становится явным. Пожалуй, мне следовало расспросить отца о том, что случилось с Бо. Ведь прошло 20 лет. И сейчас мне наверняка уже можно было об этом говорить.

Ток-шоу Барри Грея

Радио WMCA

Гость: Бенни Ламент

30 декабря 1969 года

– Вы слушаете WMCA Нью-Йорка, и с вами снова ток-шоу Барри Грея. В последней программе уходящего года я беседую с Бенни Ламентом – певцом, автором песен, нашим земляком. Мы немного поговорим о ваших корнях, Бенни. Вы родились и выросли в Бронксе. Ваша мать пела, музыка давалась вам легко...

– Это единственное, что давалось мне в жизни легко, – признается Бенни Ламент.

– И с восьми лет вас воспитывал один отец, – довершает Барри. – Он ведь и сам легенда. Джек «Ламент» Ломенто в молодости был боксером в тяжелом весе. И хотя я не видел ни одного боя с его участием, его репутация мне отлично известна.

– Здесь все знали отца, – говорит Бенни. – И он знал всех.

³ Политическое общество Демократической партии США в Нью-Йорке, действовавшее с 1790-х по 1960-е годы.

Глава 2

Я не хочу тебя любить

В конце концов я вернулся в «Ла Виту», но отец уже ушел, а Иззи закончил свое выступление. Было два часа воскресной ночи, посетители начали расходиться (хотя в отдельные выходные они задерживались в клубе до четырех утра). В моем гостиничном номере пианино отсутствовало, а мне захотелось поиграть. Я не сомневался, что Терренс разрешит мне побренчать, пока официанты прибираются, а местные прихвостни продолжают болтаться без дела. Терренс руководил клубным ансамблем и каждую ночь покидал заведение последним. Ко мне он всегда проявлял доброжелательность. Правда, как и во всех отношениях в своей жизни, я никогда не был уверен, чем она была продиктована: тем, что он действительно испытывал ко мне расположение и считал талантливым, или тем, что попросту знал, кто я такой. Я же питал к Терренсу искреннюю симпатию.

Мой унылый блюз превратился в вариацию на тему популярной песенки о Бо Джонсоне. «Интересно, а кто-нибудь ее вообще записывал?» – промелькнуло у меня в голове. Песенка нуждалась в паре дополнительных куплетов и аранжировке в духе Джерри Ли Льюиса. Мне по силам было сделать из нее номер, под который люди могли танцевать. И который смогла бы исполнить Эстер Майн. Этакую женскую боевую песню.

– Что это за мелодию ты наигрываешь, Бенни? – поинтересовался Терренс, разворачивая рукава, будто рабочий день уже был окончен. – Она мне кажется знакомой.

Я ускорил темп и пропел:

– Его зовут Бомбой, не зная, когда он взорвется...

На лице Терренса ничего не отобразилось, и, решив, что он не узнал песню, я продолжил петь. Но уже на следующем такте Терренс опустился рядом со мной на банкетку и остановил мои руки:

– Тсс, Бенни. Вот черт! Я не сразу сообразил, что ты играешь. Иначе я не стал бы тебя спрашивать. Эх, парень, я не слышал это имя с довоенных лет. – Явно разнервничавшись, Терренс оглянулся по сторонам и провел рукой по гладкой голове.

– Я видел Бо Джонсона всего раз, в детстве, – пожал я плечами. – Я раньше часто напевал эту песенку. Меня научил ей отец. И он же рассказал мне о Джонсоне. Они были друзьями, невзирая на соперничество на ринге. А сегодня я с чего-то вспомнил о нем. И эта песенка тут же всплыла в моей памяти. Только и всего.

Терренс покачал головой, но, убедившись, что никто не обращает на нас и на выбранную мной мелодию никакого внимания, расслабился. За угловым столиком с пепельницей и вереницей рюмок сидел Стэнли Тюнис с радиостанции WRKO. Я было подумал, а не нашептать ли ему на ухо о своих песнях, но потом решил: он слишком пьян и вряд ли вспомнит поутру наш разговор.

– Ты не должен здесь произносить это имя, Бенни, – заявил Терренс.

– Почему?

Прикусив губу, Терренс поскреб рукой по щеке.

– Просто... да, это было, конечно, давно. Но не слишком. Люди еще помнят. А это же клуб Сэла!

– И?

– Сэл не любил Джонсона. В этом все дело. Ты слишком молод, чтобы помнить. Но лучше сыграй что-нибудь другое. Не надо, чтобы здесь звучало это имя.

Нахмурившись, я повиновался. Мои пальцы начали наигрывать песню, которую Эстер Майн исполнила под конец своего выступления.

– Вот это лучше. Да-да! Мне нравится. Я ее слышал, – закивал одобрительно Терренс. – Мо-о-о-жет бы-ы-ть, – пропел он под мой аккомпанемент, но нервничать не перестал.

– Мы с отцом слышали ее сегодня вечером в чертовски потрясающем исполнении, – пробормотал я.

– Правда? И где?

– В «Шимми». Вы знаете этот клуб?

Мой собеседник снова замер. И мне передалось напряжение Терренса, который все еще сидел справа от меня, не сводя глаз с моих рук.

– Ты слышал Эстер Майн... – произнес он так уверенно, будто сложил воедино все кусочки пазла.

– Да. А вы ее знаете? – Мой вопрос подразумевал целых два: почему Эстер знали не все и почему она пела в таком отстойнике, как «Шимми»?

– Да... Ну да, конечно. Такая у меня работа: знать обо всем и обо всех.

– Но если вы знаете Эстер Майн, то почему она поет не здесь? Лучшего голоса мне слышать не доводилось, а она еще и красотка!

Терренс пристально взглянул на меня, как будто проверял, не проверяю ли его я.

– Она, бесспорно, хороша. Но ребята, с которыми она выступает, не представляют собой ничего особенного. Это семейный бенд... не думаю, что она приняла бы наш ангажемент без них.

Я прекрасно понял, в чем загвоздка. Такое случается со многими группами. У кого-то одного есть все данные, чтобы сделаться звездой, а остальные члены группы повисают на нем кандалами. И заканчивается все, как правило, разрушенными отношениями, разбитыми мечтами и обидами, затаенными на многие годы. Лучше в такой ситуации не оказываться. Отвечать за самого себя, не обзывать других и не быть никому обязанным. Лучше ни во что не вмешиваться и ни во что не ввязываться. Зарабатывать на жизнь и заботиться о себе самому. Чтобы никому другому не приходилось это делать за тебя.

– Говоришь, в «Шимми» тебя отец привел? – спросил Терренс тоном, призывающим к откровенности.

И теперь настал мой черед юлить, задаваясь попутно вопросом, а не сболтнул ли я чего лишнего? Уж больно подозрительным мне показалось невинное любопытство Терренса. Ох, как же я ненавидел этот город! Я вспоминал об этом каждый раз, когда в него возвращался. Ты никогда здесь не знал, кто на чьей стороне. Что можно говорить, а что нельзя. Кто и в чьи дела сует свой нос. Все осторожничали, уклонялись от прямого разговора, выражались намеками либо молчали как партизаны. Здесь постоянно приходилось осторожничать, оглядываться, выбирать слова и следить в оба за тем, чтобы тебя кто-нибудь не надул и не облапошил.

– Сэл иногда поигрывает там в картишки, – повторил я отцовское объяснение, и мои пальцы замерли на клавишах.

– А-а. Понятно... Ты можешь играть до закрытия. Еще не меньше часа. Не торопись.

Но я уже собрался уходить. Мне сделалось не по себе, даже тревожно. Как будто я забыл что-то важное или доверился не заслуживающему того человеку. Я пожелал Терренсу спокойной ночи и, мечтая о своем автомобиле, быстрым шагом направился к отелю.

* * *

Вестибюль гостиницы в четыре утра был пуст. Освещенные мягким, приглушенным светом кресла у главного входа не шли ни в какое сравнение с кроватями в номерах наверху. Мне не терпелось добраться до своей комнаты. Где-то в отдалении слышался гул пылесоса, но ночного портье нигде видно не было. Я зашагал к лифтам, как вдруг из полумрака выступила Эстер Майн – в том же платье в горошек и пламенно-красных туфлях на шпильках, в которых

она выступала несколько часов тому назад. Ее кудри были аккуратно уложены, помада на губах пылала, на лице читалась решимость, а свое пальто она перекинула через руку, хотя в помещении было прохладно, а на улице свежо.

– Мистер Ламент, – произнесла гостья, – вы могли бы уделить мне минутку?

Я остановился, почти не веря собственным глазам. Эстер Майн обращалась ко мне по имени и направлялась прямо ко мне. Я даже огляделся по сторонам в попытке найти объяснение ее неожиданному появлению.

– Мистер Ламент? – снова спросила Эстер, и под воздействием вкрадчивой хрипотцы ее голоса мои пальцы непроизвольно изогнулись в поиске фортепианных клавиш и дополнительных аккордов.

– Мистер Ламент? – окликнул меня ночной портье, эхом повторив ее вопрос.

Он наконец-то обнаружил себя – с красными щеками и шлейфом сигаретного дыма. Его взгляд скакнул с Эстер на меня, а с меня по всему вестибюлю, как будто он засомневался, стоит ли ему вмешиваться. Напустив на себя притворно суровый вид, я отмахнулся от портье рукой. И тот отвел глаза в сторону, но не слишком далеко. Он все еще пребывал в нерешительности.

– Он всего лишь сторожевой пес, – мягко заметила Эстер. – Битый час то поскуливал, то потягивал на меня. Я сказала ему, что жду вас.

Я протянул ей руку в приветствии, и Эстер двинулась ей навстречу.

– Мы не знакомы, – сказал я.

Она сунула свою ладонь в мою пятерню и энергично потрясла. На ощупь пальцы Эстер были как сосульки – тонкие и холодные. И я тотчас же выпустил их, испугавшись, что сжимаю слишком сильно. Моя реакция привела гостью в замешательство. Я понял это по ее мгновенно округлившимся глазам и поджавшимся губам.

– Вы замерзли, – попытался оправдаться я.

Но сделал только хуже. Ее изящная спина так напряглась, что я съежился в порыве сострадания.

– Я Эстер Майн, – представилась девушка. – Вы были сегодня вечером на моем шоу.

– Да, был, – подтвердил я, даже не пытаясь скрыть своего удивления. Бог весть как она это узнала. Но это же Нью-Йорк!

– Я займу всего минуту вашего времени. Пожалуйста! – взмолилась Эстер.

Одернув полы своего каштанового кителя, портье снова приблизился к нам.

– Могу я предложить вам кофе? – спросил он. – Или, может быть, рюмочку спиртного?

– Вы можете оставить нас одних, – буркнул я.

И он, сразу же подчинившись, развернулся на каблуках.

– Он не знает, как вести себя со мной, – пробормотала Эстер. – На вид я не из вашего круга. И уж явно не из его. Он боится допустить ошибку, позволив мне здесь остаться.

Из лифта вышел дежурный и, увидев нас, заинтересовался:

– Вы поедете?

– Нет, – прорычал я.

Я не мог привести эту гостью в свой номер. Не хотел, чтобы нашу встречу истолковали превратно. Но и сидеть в холле не хотелось. Лифтер скрестил руки и зашел обратно в золотистую кабину. Двери за ним плавно закрылись, и я перевел взгляд на стоявшую передо мной девушку.

– Вы идти можете?

Ее брови нахмурились.

– В этих туфлях? Можете идти? Мне не нравится общаться под прицелом чужих глаз, но и бегать от людей я не настроен. Сядем где-нибудь в парке.

Эстер кивнула, но пальто так и не надела. Я снял его с ее руки. На секунду мне показалось, что она запротестует, но девушка смягчилась и позволила мне подержать пальто, пока она

просовывает руки в рукава. Пальто по цвету совпадало с ее туфлями и горошком на платье, но размером было явно великовато, а подол и манжеты потертые. И внезапно я понял нежелание гостя его носить.

– Рад познакомиться с вами, Эстер Майн, – произнес я ласково и галантно предложил ей руку.

Она взяла ее, и мы двинулись к выходу. Эстер подстроилась под мою поступь, хотя ее ноги были вдвое короче моих. Да еще и обуты в нелепые туфли. Должно быть, ее ступни адски ныли, но девушка не покачивалась и не замедляла шаг. Несколько кварталов мы прошли, не проронив ни слова. Парк уже виднелся, когда я повернул к ближайшей скамейке. Ночь выдалась зябкой, но безветренной, а дорожки были усеяны мусором с политическими лозунгами. Выборы должны были пройти в ближайший вторник. Я едва мог дожидаться окончания предвыборной суматохи.

– И кто победит? – спросил я Эстер, чтобы прервать молчание. – Кеннеди или Никсон?

– А это имеет значение?

Я отшвырнул ногой листовку, с которой Джон Кеннеди посылал нам лучезарную улыбку.

– Наверное, нет.

– Все мои знакомые хотят, чтобы победил Кеннеди. Все, кроме моего брата Мани. Он говорит, что не доверяет красавчикам. Но на самом деле Мани никому не доверяет, – сказала Эстер.

– Мани?⁴ То есть «деньги»? Как он получил такое имя?

– Просто его отцу очень хотелось, чтобы сын был при деньгах.

Я рассмеялся.

– А Эстер? Почему вас так называли родители?

Она пожалала плечами:

– Эстер вышла замуж за царя. Спасла свой народ. Это библейская история.

– Верно. Теперь бы она могла стать президентом. Я бы за нее проголосовал.

– Она была царицей. Президентство означало бы для нее понижение в статусе.

– Тоже верно. Но Фрэнку Синатре Кеннеди нравится. – Я тихонько напел джингл Синатры в пользу Кеннеди. Он вертелся у меня в голове многие месяцы. Разве мог Кеннеди проиграть, когда его предвыборную песню исполнял сам Фрэнк Синатра?

– У него имеются друзья в верхах. Вот это точно, – озвучила моя спутница то, что думал я сам.

– У них у всех они есть, – ответил я.

Эстер остановилась, выбрав идеально выгодную позицию под уличным фонарем, и вскинула на меня глаза.

– А у вас? – спросила она. – У вас имеются влиятельные друзья, мистер Ламент?

В свете фонаря ее кожа сделалась глянцево-розовой, губы коварно заалели, а глаза, эффектно выделенные тенями, на какой-то миг приобрели таинственный блеск. И внезапно я испугался. Ее. Тишины. Странности нашей встречи. Я увлек Эстер с островка света во мрак и усадил на скамейку, стоявшую за фонарем. Темнота показалась мне безопаснее.

– Зачем вы явились ко мне, мисс Майн? – спросил я.

Мой голос прозвучал резко от внезапного беспокойства вкупе с неловкостью.

– Ральф приметил вас на нашем сегодняшнем шоу. Он и сказал мне и братьям, кто вы такой.

Ральф? Я покопался в памяти. Ах, ну да! Ральф! Бармен...

– И... Пит нечаянно услышал, как вы сказали, где остановились. Он сказал Ральфу, а Ральф сказал мне, – добавила Эстер.

⁴ Англ. Money – «деньги».

Нечаянно услышал? Да он наверняка последовал за мной и отцом по улице. Эта мысль заставила меня покачать головой. Чертов город!

– А что вам сказал обо мне Ральф? Кто же я такой?

– Бенни Ламент. Ральф сказал, что вы играете на фортепиано и пишете песни для всех знаменитостей. И белых, и цветных.

– Гм... И вы не могли подождать до утра?

– Когда к вам в руки заплывет крупная рыба, вы же не дадите ей уйти.

Странно, но я почувствовал себя польщенным.

– Почему вы пришли на мое шоу, мистер Ламент? – спросила Эстер.

– Ваш голос нравится отцу. Он напоминает ему о моей матери.

Брови Эстер сдвинулись, а алые губы сжались. Она не поняла, как расценить мои слова, и не знала, как на них правильно реагировать.

– А вам нравится мой голос? – В ее тоне я не услышал никакой игривости или кокетства; вопрос был задан прямо.

– Да, – признался я. – Вы, пожалуй, лучшая из всех, кого я слышал. Но у меня сложилось впечатление, что вам самой не нравится петь.

– Нет, я очень люблю петь! – возразила Эстер.

– Вы поете так, словно ненавидите свою аудиторию.

Эстер нахмурилась еще сильнее, а потом пожала плечами и сбросила с лица гримасу.

– Возможно, это и так.

– Но почему?

Эстер несколько секунд помолчала, явно обдумывая свои слова.

– Я не уверена, что вы меня поймете. И я слишком устала, чтобы объяснять. Это не так быстро и просто.

– Все дело только в публике «Шимми» или вы ненавидите всех, кто слушает ваше пение?

– Вы всегда высказываетесь без обиняков, не выбирая выражений, мистер Ламент? Всегда дерзите?

– Говорит девушка, подкараулившая меня в отеле в четыре утра.

С губ Эстер слетел смешок – глубокий, журчащий, мелодично пробулькавший в ее груди и вырвавшийся на волю из очаровательного ротика. Он настолько не вязался с ее голосом, что я тоже рассмеялся. Но мой смех был вызван скорее удивлением, нежели чем-то еще.

– Значит, вы хотите, чтобы я написал для вас песню. Так? – спросил я, не признавшись, правда, что захотел того же.

– Хочу. Но у меня к вам несколько вопросов.

– Вопросы?

– Да, – подтвердила Эстер и сделала такой глубокий вдох, словно собиралась приступить к продолжительному устному опросу.

– Вы мафиози? – спросила она.

Я даже не нашелся, что ответить. Я – мафиози? Когда ты рождаешься в определенном месте и в определенной среде – культурной или религиозной, – разве возможно от нее обособиться? Это все равно что спросить кого-нибудь: «Ты ирландец?» Или: «Ты еврей?» Ты можешь быть ирландцем, не проведя в Ирландии ни дня. Ты можешь быть евреем, не зайдя ни разу в синагогу. Это что-то в крови. В истории. И я бы мог сказать, что я не гангстер. И искренне так думать. Но все-таки... все-таки я им был...

– А что, я похож на мафиози? – ответил я вопросом на вопрос.

И услышал лаконичный ответ:

– Да.

– И чем?

Эстер приподняла тонкую бровь, как будто я играл с ней, но ей было все равно.

– Вы – итальянец, – сказала она и почти угадала.

– Сицилиец, – уточнил я. – А вы полагаете, что все итальянцы мафиози?

Это был обычный стереотип.

– Итальянцы, живущие в этом городе и выглядящие, как вы? Да, – кивнула Эстер. – Это ваша прическа. Ваша одежда. Ваши взгляды. То, как вы держитесь. Ваша репутация. Вы – гангстер. Мне лишь хотелось посмотреть, признаете вы это или нет.

– Люди видят то, что желают видеть. И думают так, как хотят думать. Я ничего поделать с этим не могу.

Несколько секунд Эстер пристально изучала меня.

– А зачем вам с этим что-то делать? Ведь гангстеры, подобные вам, держат весь этот город. Особенно клубы. Они решают, кому в них работать и выступать, а кому нет. По какой-то причине я им не нравлюсь. Я перепою любого. Но меня никто не ангажирует.

– У вас на удивление большое самомнение для такой маленькой женщины.

Глаза Эстер сверкнули, а спина напряглась. И на мгновение я решил, что она откажется от затеи, которая привела ее ко мне. Какой бы она ни была. Но Эстер сделала глубокий вдох и выдохнула так медленно, что я успел бы выкурить за это время сигарету.

– Я могу петь, мистер Ламент.

– Да, можете, мисс Майн.

– Я хороша собой. У меня хороший голос. Я много работаю. И готова работать еще больше. Я не употребляю наркотики. И даже не курю.

– Рад за вас... – хмыкнул я и порылся в кармане в поисках сигареты. Просто из духа противоречия. Пачки сигарет мне обычно хватало на пару месяцев. Именно из-за того, что все курили, я пытался не курить. Мне всегда претила зависимость от чего угодно и кого угодно.

– Я способна принести вам кучу денег, – сказала Эстер.

– Да? И как? – Я прикурил сигарету и глубоко затянулся.

– Я хочу, чтобы вы стали моим менеджером.

Я уставился на Эстер; табачный дым завихрился вокруг моих губ.

– Я сочиняю песни, а не продвигаю таланты.

– Вы продвигаете себя, разве не так? Вы продвигаете собственный талант. У вас ведь нет менеджера.

– Откуда вам знать? – Мне показалось, что Эстер сказала это наугад. Но она была права. У меня не было менеджера. Да я и не желал его иметь.

– Просто не могу себе представить, чтобы кто-то вам указывал, что делать, – пояснила моя спутница.

– Как раз вы-то и пытаетесь, – парировал я.

Рот Эстер изогнулся, но она была слишком поглощена темой наших переговоров, чтобы улыбнуться.

– Вы знаете бизнес. Вы знаете игроков. У вас имеются связи, – произнесла она.

– Но... я ведь, возможно, мафиози, – мягко возразил я.

Эстер встретила со мной взглядом. Я увидел в ее больших карих глазах многозначительный блеск, и меня озарило: вот почему она явилась ко мне! Ей нужен был мафиози! Человек со связями и влиянием..

– Я не причиню вам даже минутных проблем. Я принесу вам только пользу. Буду петь, танцевать, делать все, что вы скажете. Я стану вашим самым лучшим вложением, – произнесла Эстер твердым голосом, не сводя с меня глаз. – Я не хочу спать ни с вами, ни с кем-то еще. Правда не хочу. Но я готова даже на это.

– На этом и закончим, мисс Майн, – сказал я, поднявшись и потушив окурочек мыском ботинка.

До этого момента я был просто заинтригован. Теперь же оскорблен. Эстер была смелой. Она была красивой. Но... отвратительной в своем стремлении убедить. На миг ее спина согнулась, подбородок уткнулся в грудь. Но она тут же выпрямилась и тоже встала. Девушка, не желавшая, чтобы я увидел ее потертое пальто, только что предложила мне себя. Это не имело особого смысла.

– Сколько вам лет, Бейби Рут?

– Бейби Рут? – Она явно рассердилась на такое прозвище, но меня это не остановило.

– Рут – Руфь. Эстер – Эсфирь. Оба имени библейские. Бейб Рут⁵ был «Султаном удара» и «Королем свинга». Вы можете стать «Королевой пения». Это комплимент. Сколько вам лет?

– Почти двадцать два.

– Вы не выглядите на свой возраст. Когда вы родились? – попытался я заманить ее в ловушку.

– В тридцать девятом.

– А когда у вас день рождения?

Эстер пожала плечами:

– Я готова получать торты в подарок круглый год, если это причина ваших расспросов. Но я достаточно взрослая, уверяю вас. Я окончила среднюю школу пять лет назад и с тех пор пытаюсь добиться, чтобы хоть кто-то воспринял меня всерьез.

– А ваш отец в курсе, где вы?

– Что, простите? А ваш отец знает, где вы? – парировала Эстер. – У меня нет ни отца, ни менеджера, – акцентировала она последнее слово.

– А ваш бенд? Вы радуете и о них?

– О братьях? Я не могу им ничем помочь, если не в состоянии помочь себе. Я не могу обеспечить их работой, если не работаю сама. Мне нужен менеджер, который сможет обеспечить нас работой.

– Я не хочу быть вашим менеджером. Это не по мне. Я не желаю брать на себя такую ответственность.

– Понятно, – сказала Эстер, скрестив руки. – А сколько вам лет, мистер Ламент?

– Я старше вас.

– На вид ненамного. Сколько вам? Тридцать?

– Почти.

– Но вы не женаты?

– Не женат.

– А подружка у вас есть?

– Нет.

Я не заводил отношений. Не умел их выстраивать. У меня не получалось ничего, кроме секса. А может, я и в нем не был асом. Вроде бы никто не жаловался... Но если подумать, то и комплиментами меня особо не баловали...

– Детей тоже нет? – настойчиво продолжала Эстер.

– И детей нет.

– Значит, у вас нет семьи, зависящей от вас?

– Нет...

Только мой отец. И родня Витале. Но я с ними мало общался.

– Значит, вы ни за кого не несете ответственности? – с ноткой упрека спросила Эстер.

– Не несу, – признал я.

– Что ж... пришло время взять на себя немного...

⁵ Джордж Харман Бейб Рут (1895–1948) – профессиональный американский бейсболист. Одно из прозвищ – Бейб (Малыш, Крошка). Бенни обыгрывает это прозвище применительно к Эстер Майн: Бейби Рут – Крошка Рут, Малышка Рут.

- Немного чего?
- Немного ответственности, – выпалила Эстер.
- Вы ничего не добьетесь, Бейби Рут, – мотнул я головой. – Я не заинтересован.
- Нет, заинтересованы, – не унималась она. – Пит мне сказал, что вы прослушали все мое выступление. Он сказал, что я сразила вас наповал. Я могу петь. И вы это знаете.
- Пожалуй, вам лучше спеть. Потому что у вас не получится пристыдить меня отсутствием ответственности.
- Присядьте, пожалуйста, – сказала Эстер. – Пожалуйста... просто присядьте. Ладно? Я спою для вас еще.

Она протянула руки, жестом призывая меня задержаться. Я тяжело вздохнул, но не ушел. Эстер расположилась под уличным фонарем так, будто стояла на сцене, под светом прожекторов. Когда она запела, я громко рассмеялся над ее выбором. Это была одна из моих песен, я написал ее для сестер Макгуайр⁶. И называлась она «Я не хочу тебя любить». Но Эстер пела ее так, словно желала заставить мир ей сдаться. Желала заставить меня уступить. И мой смех затих.

*Ты злишь меня, когда мы рядом,
Но лишь уйдешь —
Тебя ищу я всюду взглядом,
На сердце дождь.
Ты в сны мои проник и мысли,
И без тебя
Ни в чем теперь не вижу смысла
Я, любя.
Любя... Любя...
Хоть не хочу, люблю тебя...*

«Да!» – вынужден был признать я. У этой девушки имелся характер, и она вкладывала в пение душу, создавала и передавала особое настроение. И да, черт возьми! Она могла перепеть любого! Город уже начинал бурлить, но Эстер заставила меня замереть. Она исполнила песню целиком, от первой строчки до последней. И я не только ее не прервал, но даже не отвел взгляд в сторону. А когда к моим ногам, словно листья, упали последние ноты, Эстер спросила:

– Ну, как это было, Бенни?

Хм... Как быстро я стал просто Бенни! И она отлично знала, как это было. Великолепно. Эстер была великолепно, и мне захотелось, чтобы она спела мне что-нибудь еще. Но устоял бы я или нет после этого? Не уверен. Я мог начать соглашаться на все ее просьбы. Да что там просьбы! На все ее требования! Я встал и протянул ей руку.

– Вы очень хорошо поете, Эстер Майн. Вне всякого сомнения. Но нам потребуется отработать кое-какие приемы, чтобы сделать ваш вокал идеальным.

– Нам? – переспросила Эстер, и проблеск надежды в ее глазах стал для меня последней каплей.

«Ладно, – решил я. – Напишу для нее песню и помогу раскрутиться на тех радиостанциях, где смогу обеспечить ей ротацию. Но на этом все!»

– Вы выступаете сегодня вечером в «Шимми»? – спросил я.

– Да-да, выступаю, выступаю, выступаю, – пропела в ответ Эстер.

– Хорошо. Я приду. А после выступления пообщаюсь с ребятами из вашей группы, – пообещал я.

⁶ McGuire Sisters – известное в 1950-х вокальное трио сестер Кристин, Дороти и Филлис Макгуайр.

– А что потом? – попробовала допытаться Эстер.

– А потом мы посмотрим, – сказал я, опасаясь раскрывать свои намерения прежде времени.

Эстер вперила в меня пристальный взгляд, и я покачал головой:

– Большого вы от меня сегодня не добьетесь. Давайте вернемся в отель, и я вызову вам такси.

– В пять утра идет автобус. Остановка на следующем углу.

– Тогда я провожу вас.

– Если вы пойдете со мной, я не смогу сменить эти туфли.

Я не понял, что она имеет в виду.

– В этих туфлях – сила, – со вздохом пояснила Эстер. – И если они требуют небольшой платы в обмен за эту силу, так тому и быть.

– Смените обувь. Обещаю не смотреть на ваши ноги, – сказал я. – И ради бога, поезжайте домой! Вы опасны.

Эстер вытащила из сумки туфли-балетки, а я отвернулся, как обещал. Но, когда она выпрямилась, не заметить разницу оказалось невозможно. Ее макушка не доходила мне даже до плеча.

– Вы сказали, большего сегодня я от вас не добьюсь. А как насчет завтра? – поинтересовалась Эстер.

– А как насчет того, чтобы отложить этот вопрос на завтра, Бейби Рут? И хорошенько выспаться, прежде чем снова его задать?

– Я не спала сутки и, скорее всего, не проспю и пары часов до очередного выхода на сцену. Но я знаю, чего хочу. Я хочу, чтобы вы написали для меня дюжину песен. И я хочу, чтобы вы заставили весь мир меня слушать затаив дыхание. Я хочу, чтобы вы сделали так, чтобы меня полюбили.

– Я не могу исполнить ваши желания.

Эстер тяжело вздохнула.

– Какое именно? Какое именно из этих двух желаний вы не в состоянии исполнить?

– Я не в силах заставить других людей ни слушать вас, ни полюбить. Это должны сделать вы сами.

– Мне никогда не удавалось заставить кого-то меня полюбить, – бросила через плечо Эстер, уходя прочь. – До завтра, Бенни Ламент. Не подведите меня. И перестаньте называть меня Бейби Рут!

Ток-шоу Барри Грея

Радио WMCA

Гость: Бенни Ламент

30 декабря 1969 года

– Итак, Бенни, ваш отец привел вас в «Шимми» послушать Эстер Майн, – говорит Барри Грей. – Вы помните день, когда это было?

– 5 ноября 1960 года, – отвечает Бенни Ламент.

– И это была любовь с первого взгляда?

Бенни смеется:

– Не знаю, можно ли назвать это любовью. Но то, что я попался, несомненно.

– Попались... как на крючок? – уточняет Барри Грей с усмешкой в голосе.

– Да, сэр. Как на крючок. И я извивался и сопротивлялся, как крупная рыба, которая знает, что встретила пару под стать себе.

– К сведению моих слушателей, рост мистера Ламента примерно 6,2–6,3 фута. Так, Бенни?

- Да, это так.
- Вы крупный мужчина.
- Я крупный мужчина. А Эстер Майн – маленькая, миниатюрная женщина.
- Вы не только крупный... вы белый, мистер Ламент.
- Да.
- А Эстер Майн нет.
- Нет.
- Но вы сказали, что встретили свою пару, свою половинку?
- Именно так. Я встретил свою половинку.

Глава 3

Берегись

Завязав с профессиональным боксом, отец не остался в Восточном Гарлеме. Но переехал оттуда недалеко. Всего лишь на другой берег пролива Гарлем. Они с матерью купили квартиру в районе Белмонт, в Бронксе, в квартале от дома ее родителей. Мамин отец, Сальваторе Витале – старший, держал на Артур-авеню фруктовую лавку, со временем превратившуюся в большой магазин и ставшую прикрытием для всех темных делишек, которые он вместе со своим сыном Сэлом (Сальваторе Витале – младшим) проворачивал для мафии. Умер Витале-старший под градом пуль, лежа между рядами изрешеченных фруктов, за месяц до моего рождения. Моя бабушка, которой сейчас уже 80, до сих пор живет в том доме. Думаю, отчасти из-за этого отец так и не купил нам большой дом в пригороде, где обосновались Сэл и многие другие мафиози. Нонна Витале была матерью Сэла, но мой отец, ее зять, оказался гораздо лучшим сыном.

– Такова была бы воля Джулианы...

Я слышал, как отец говорил это всякий раз, когда дядя Сэл заикался о том, чтобы он перебрался к нему поближе. Сэлу хотелось всегда иметь отца под рукой.

– Я оплачиваю все мамины счета, и с ней проживает прислуга-помощница, – возражал Сэл. – Она не нуждается в тебе, Джек.

Это был предмет вечного спора между ними. Хотя мне думается, что забота отца о теще только упрочивала доверие к нему Сэла. Отец не желал того, что желает большинство людей. И уж точно он не жаждал того, чего жаждал Сэл. Отец никогда не любил показуху. И не пытался пускать пыль в глаза. Он годами ходил в одной и той же шляпе, в одних и тех же темных костюмах и белых рубашках, которые гладил сам. Он не покупал дорогие ювелирные украшения и не носил шикарные часы. Он был правой рукой Сэла Витале, но никогда не позволял доставшейся ему власти или положению вскружить себе голову. И наверное, благодаря этому оставался более свободным по сравнению со многими другими людьми. Впрочем, не знаю. По большому счету отец все равно был несвободен и оставался таким до сих пор.

Он всегда спешил к Сэлу по первому зову, хотя выполнял в основном роль его телохранителя. Отец держался в тени, но Сэл мог быть уверен: пока Джек рядом, к нему никто не приблизится, он мог есть, пить и смеяться, ни о чем не беспокоясь. Отец возил Сэла по городу в большом черном автомобиле, и все окрест знали, что Сэла Витале охраняет Джек Ломенто. Отец не привлекал к себе внимания, но тем не менее всему району было отлично известно, кем он являлся. А это означало, что все отлично знали, кем был и я. Сыном Ламента. Музыкантом. Когда миссис Костьера умерла, оставив мне пианино, нам пришлось поднимать и затаскивать его через балкон с помощью подъемного крана. Никто из соседей ни разу не пожаловался на то, что я играл, хотя стены были тонкими, а играл я порой часами, без перерыва. Возможно, они попросту слишком боялись отца, чтобы высказывать жалобы или претензии.

– Здесь я был счастливее всего, – частенько повторял отец. – Так зачем же мне переезжать?

* * *

Я вышел из «Шератона» в два и поехал в свой старый район. Полчаса я провел в поисках места для парковки. Отцовский автомобиль стоял у бордюра прямо перед нашим домом – на том же месте, где он стоял всегда, когда Джек Ламент не работал. Никто и никогда не занимал это место и не трогал машину. Даже пальцем ее не касался. А когда какой-нибудь гость пар-

ковался на нем по незнанию, ему быстро указывали на ошибку и советовали незамедлительно его освободить.

– Здесь паркуется Ламент, – говорили люди. – Вам лучше переставить свое авто.

Конечно, находились и такие, которые игнорировали предупреждение. Но, вернувшись к запретному парковочному месту, они не заставляли там своей машины. Как правило, ее обнаруживали аж за два квартала от дома. Я подозревал в этой принудительной отбуксировке Фрэнки с его пикапом, но ни разу не застукал его за этим делом.

Был воскресный вечер, и все сидели по домам. Я наконец-то припарковался у церкви, проскользнув на место, только что освобожденное одним из прихожан, и направился к дому, отметив про себя: люди постарели, но больше ничего не изменилось. Несколько человек окликнули меня по имени; я приподнял шляпу и помахал рукой, но предпочел пойти другой дорогой. В детстве меня заставляли играть на органе во время каждой воскресной мессы. Мне приходилось облачаться в одеяние министранта, которое опутывало мои ноги и закрывало педали. Мне нравилось мощное и торжественное звучание органа, но монотонность музыки и бесконечность службы я ненавидел. Отец никогда не ходил в церковь, но следил за тем, чтобы ее посещал я.

Я поднялся по лестнице до отцовской квартиры, глядя на ступеньки и мысленно вопрошая себя: сколько раз я уже проделывал этот путь? Вверх и вниз. Вниз и вверх. Миллион раз! И ничего не изменилось, кроме размера моих ног и длины шагов. Я постучал в дверь: тук-бум-бум (в том же ритме, в каком всегда это делал). И услышал отцовскую поступь. Ему потребовалось чуть больше времени, чтобы дойти до двери, чем обычно. Я постучал еще раз.

– Это ты, Бенито? – донесся голос отца.

– Я, па, – ответил я через дверь.

Замки лязгнули, и дверь широко распахнулась. Уж кто-кто, а отец прекрасно сознавал все зло мира. И всегда запирали двери.

– Ты поживешь здесь? – спросил он, выискивая взглядом мой чемодан.

Мне этого совсем не хотелось. Но пришлось. Предвидя неизбежный спор, я решил: оно того не стоит. Мои вещи лежали в багажнике.

– Да, – ограничился я лаконичным ответом.

– Вот и хорошо. Это разумно. – Отец похлопал меня по плечу и отступил в сторону, давая войти.

Он держал спину прямо, но кожа под его голубыми глазами уже потемнела, истончилась и покрылась рябью, переходившей в морщинки на бледных щеках. Раньше отец таким бледным не был. Даже кожа под его майкой всегда имела карамельный оттенок. А теперь она отливала болезненной желтизной. В затуманенном табачным дымом клубе с приглушенным освещением и в темноте улицы я этого не заметил.

– Ты так странно рассматриваешь меня, – пробурчал отец.

– Ты неважно выглядишь, – тихо признал я.

– Что ж, не далее как вчера вечером ты напомнил мне, что мы похожи. Так что готовься, сын! Когда-нибудь и ты таким станешь, – попытался пошутить отец, ткнув себя пальцем в грудь.

Но его слова не возымели желаемого действия, а прозвучали резко и горько. Отец знал, что я не хотел на него походить. Всегда знал. И наша внешняя схожесть порой становилась яблоком раздора.

– Нет, в самом деле, как ты поживаешь, па? Как у тебя дела?

– Неплохо. Все по-старому. Садись, сынок. Я приготовлю тебе что-нибудь поесть.

Я и к этому был готов – к тому, что отец начнет меня потчевать. И спорить не стал. Такой уж ритуал у нас сложился, и я был благодарен отцу за него.

– У тебя холодно, – сказал я. – Слишком холодно, чтобы сидеть при открытом окне.

– Твоя мать любила открывать окна и петь, и весь квартал тогда затихал. Она мечтала петь для многотысячной аудитории. Увы, ее мечты ограничились концертами для этого района. Иногда твоя мать пела арию из «Кармен». Я рассказывал тебе историю Кармен. Самую печальную историю на свете...

Я не считал историю Кармен печальнее истории моей матери, но и на этот раз не стал возражать.

– Я знаю о Кармен, па. И о маме, певшей у окна... – сказал я так мягко, как только мог. Я не собирался упрекать отца. Просто хотел ему дать понять: я ничего не забыл.

– Я не сомневаюсь, что ты помнишь. Но я столько передумал о твоей матери... Может быть, эта девочка... эта Эстер... У твоей матери не получилось стать известной певицей. Мне хотелось бы, чтобы это удалось Эстер.

При упоминании ее имени отец даже не взглянул на меня, а взял кофейник и налил мне чашку.

– Папа... – начал я, но он опять завел свою шарманку.

– Я сидел вот здесь, – указал он лопаточкой на стол, – тихо и спокойно. А она распахивала окно и начинала петь. Все знали Джулиану Ломенто!

Отец всегда произносил имя матери так, словно она была известной певицей-сопрано и выступала в настоящей опере. Он никогда не называл ее девичьей фамилией. Всегда подчеркивал свои права на нее.

– Я до сих пор вижу – ясно как день, – как она поет вон там. – Отец указал на крошечную пожарную лестницу и занавески, трепетавшие по обе стороны окна.

Это были не те шторы, которые висели на окне при жизни мамы. Когда я был маленьким, отец нанимал домработницу. Она приходила раз в неделю, прибиралась и заполняла холодильник приготовленной едой. Каждые два месяца она стирала те шторы и утюжила их, пока они совсем не износились. В конце концов отец сам их снял, но не выбросил. Они до сих пор лежали, сложенные, в нижнем ящике его стола. Я подошел к окну и закрыл его. Отец не протестовал, его взгляд по-прежнему был устремлен вдаль.

– Джулиана могла делать со своим голосом то же, что делаешь ты с аккордами. Тебе передалась ее любовь к музыке. Только по-другому, – задумчиво констатировал он, буравя глазами стойки, которые жарил.

– А руки у меня твои, па! – пошевелил я пальцами, чтобы вернуть отца в настоящее. Он немного меня пугал.

– Да, – пробормотал отец. – На вид как мои. Не знаю, как ты умудряешься попадать ими по таким маленьким клавишам.

Он поставил на столе передо мной тарелку, взял еще одну для себя и опустился на стул точно так же, как делал это тысячи раз прежде. Более того. И я бы сделал для него то же самое. Наверное, раньше, очень давно, нас обхаживала мама, но мне это не запомнилось. А теперь мы с отцом делили хлеб вдвоем, сидя на тех же самых старых стульях за тем же обезображенным царапинами и рубцами столом. Я всегда сидел на своем месте, а отец на своем.

– Я виделся с Эстер Майн...

Я постарался выговорить эти слова ровным голосом, как будто они для меня ничего не значили, но при этом пристально наблюдая за отцом. Он бы и сам снова завел разговор о ней; вся эта история была немного странной. Глаза отца сверкнули и заглянули в мои, а руки замерли. Меня опять поразил возраст, отпечатавшийся на его лице.

– С Эстер Майн? – переспросил отец.

– Да, я виделся с ней. Па, она совсем не похожа на маму. Не понимаю, с чего ты это взял...

– Ты вернулся в «Шимми» после моего ухода? – прищурившись, поинтересовался отец.

– Нет. Я немного прогулялся. Мне захотелось поиграть. В итоге я снова оказался в «Лавите». А когда возвратился в отель, там меня дожидалась Эстер. Она прождала довольно долго.

– Вот, значит, как... – Положив вилку на стол, отец откинулся на спинку стула.

– Па, ты действительно неважно выглядишь, – повторил я.

– Ты явился в мой дом, чтобы говорить мне гадости? – проворчал отец в притворном гневе. – Я выгляжу потрясающе. – Он согнул руки в локтях, напрягая мускулы, и выпятил грудь, но я не засмеялся, и отец отмахнулся от меня так, словно я вообще не понимал шуток. – Я старею, Бенито. Просто тебя рядом не было, чтобы это заметить. А чувствую я себя хорошо. Очень хорошо, – ударил он себя в грудь кулаком. – Никаких жалоб. Лучше расскажи мне об Эстер.

– Нет, па, это ты мне о ней расскажи. У меня сложилось впечатление, будто ты знаешь чуть больше, чем говоришь.

– Она... тебя ждала? – спросил отец, проигнорировав мой призыв. – В твоём отеле? Это небезопасно. – Его брови сдвинулись к переносице.

– Она дожидалась меня в вестибюле. Судя по всему, это Ральф ей сболтнул, кто я такой и где меня найти.

– Говоришь, Ральф? – ещё сильнее нахмурился отец.

– Ральф, Пит или кто-то из охранников.

– Так ты расскажешь мне о вашей встрече или нет? – сказал отец, разрезая стейк.

– Она хочет, чтобы я ей помог.

– Написал песню?

– Нет, стал её менеджером.

Нож застыл в отцовской руке.

– Что это значит?

– Это значит, что она хочет, чтобы я сделал ей карьеру. Нашел ей работу.

– Надо же... Она тебе понравилась?

– Да. Но... Па, что, черт возьми, происходит? Кто эта девушка? Только не говори мне, что ты не знаешь. Иначе я заподозрю тебя в склонности к чудачествам.

– Я когда-нибудь рассказывал тебе, как познакомился с твоей матерью? – спросил отец.

Я вздохнул и сунул в рот кусок мяса. Я никогда не подозревал отца во лжи, но – разрази его гром! – он всегда поступал так, как ему вздумается. И редко соизволял объясниться. А если и давал объяснение, то подходил к нему порой весьма извилистым путем.

– Рассказывал, – ответил я. – Ты познакомился с мамой, когда начал работать на Сэла.

– Да. Но она уже знала, кто я такой.

– Потому что она видела твои бои, – сказал я именно то, что отец ожидал от меня услышать.

– Верно. Она видела, как я дрался. На улице. Мы устраивали собственные бои прямо под открытым небом. Люди делали ставки, и мы дубасили друг друга, пока не заявлялись копы. А потом делили выигрыш. Джулиана видела, как я эффектно проигрывал.

Я нахмурился. Это было что-то новенькое.

– Я думал, ты проиграл лишь Бо Джонсону.

– Так оно и было. Но до того как Бо свалил меня на ринге, он не раз уделывал меня на улице. В молодости и я его порой побеждал. Бо был проворнее меня, но я умел держать удар и продолжал биться. Я не боялся его. А Бо не боялся меня. Мы чуть не покалечили друг друга, прежде чем сообразили, что можем работать на публику вместе. Оттачивать свои навыки и при этом получать нехилые деньги.

– Я этого не знал. Я думал, что вы встретились после войны. После того как ты уже стал чемпионом.

– Нет-нет. Я знал Бо Джонсона задолго до этого. Мы оба родились и выросли в Гарлеме. Мы вроде как присматривали друг за другом. У Бо была своя банда. У меня своя. Ирландцы, евреи, итальянцы, негры. Разные районы держали разные группировки. С тех пор мало что

изменилось. Но некоторые улицы объединяются. Границы районов смещаются. И с нами тоже так произошло. Выбор был один – остановиться или же поубивать друг друга. Мы с Бо поладили. Не скажу точно почему. Но мы поладили. Он стал моим другом. Хорошим другом... Я любил его...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.